

Источник: Минченков Я. Д. Воспоминания о передвижниках. "Художник РСФСР". Ленинград. 1965. Издание пятое
OCR Ловецкая Т. Ю.

Художники говорили о Брюллове, что он хороший математик, окончил университет и слушал лекции по математике в Англии. Математики уверяли, что он музыкант, кончивший консерваторию, а музыканты возвращали его снова в лоно художников. Где учился и что окончил Брюллов -- этого я не знаю; похоже на то, что он прошел и университет, и Академию художеств, и консерваторию.

Уж очень одаренной была его натура, и казалось, что ему ничего не стоило изучить все три специальности. И действительно, он писал картины, обнаруживал большие знания в математике и играл на виолончели и рояле.

Универсальность его знаний, сложность интересов и отзывчивость на все вопросы современности отрывали его от каждой из специальностей и не давали ему углубиться в ремесло искусства, почему он и не выработался в большого мастера, а широкая жизнь и возможность без тяжелого труда пользоваться ее благами способствовали его легкому отношению к искусству, которое он любил без печали и гнева, как усладу своей красивой жизни.

В нем сидела высокая европейская культура, которую он унаследовал от родных и закрепил образованием при счастливых условиях своей жизни. Отец его был архитектором, а дядя -- знаменитый Карл Брюллов, автор картины "Гибель Помпеи".

Всем известен автопортрет последнего; красивое лицо с прекрасно выраженным лбом и повисшая тонкая изящная кисть руки. К Павлу Александровичу перешли родовые черты -- он был очень красивым человеком.

Родители его имели достаток, ума ему было не занимать стать, среда высокохудожественная и ученая, и оттого вылилась такая фигура, которой можно было позавидовать.

Брюллов был неизменным членом Правления Товарищества и сотрудником кассира Лемоха в счетоводстве товарищеских сумм.

Если у Лемоха происходила какая-либо путаница в счетоводных книгах, он звал на выручку Брюллова. Тот приходил, раскрывал все книги и начинал волноваться. Павел Александрович был горячий человек, но горячность его была безобидная, и на нее никто не обращал внимания. Он и горячился и смеялся в одно время, таков в большинстве был и характер его речи.

Он говорил Лемоху:

-- Кирилл, как же это можно? Ты не наметил себе главного и начинаешь считать все с самого начала и -- нет, как же это так? Ну вот! Ах!

Брал бумагу, карандаш и начинал выписывать цифры.

Лемох жаловался:

-- Посчитаю -- то у меня лишних рубль семьдесят копеек оказывается, а то недостает около трехсот рублей.

Брюллов кипел:

-- Да нет же, так нельзя! Ты сюда записал, а вот туда нет. Пойми же, наконец, что в приходе значит, а в расходе... нет, ей-богу, так никуда не годится!

Опять выписывал цифры, задумывался и неожиданно говорил:

-- А ведь это, пожалуй, правильно.

-- Что? Ты находишь что все правильно? -- удивленно спрашивал Лемох.

-- Ну да, он так это говорит.

-- Постой, кто же это говорит?

-- Как -- кто? В третьем акте Гамлет.

-- Вот те раз! Да это ты, Павел Александрович, в театре был, вспоминаешь про Гамлета, а про мои книги уже и забыл? -- в отчаянии говорил Лемох.

И действительно, Павел Александрович думал уже о Гамлете, а про счетоводство забыл. Это была его отличительная черта. У него мысли, воспоминания, планы текли в голове непрерывной волной и постоянно менялись. Бывало даже так, что он начинал говорить об одном, а потом речь его перестраивалась, и вы неожиданно слышали совсем другое. Мог во время делового, прозаического разговора запеть арию из оперы.

Лемох возвращал его к скучной прозе, к цифрам, и Брюллов снова писал и быстро находил